

Потапова Е. В.

Стажер-исследователь

Смоленского государственного университета;

УДК 8.82.1.

«Армянский» VS «грузинский» локальные тексты: к вопросу о генезисе и путях развития

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФН научного проекта «Армянский текст русской поэзии» (проект № 22-18-00339).

Аннотация. В статье проводится компаративный анализ двух локальных текстов – армянского и грузинского. В аспекте генезиса выявляются причины разного хронологического возникновения локальных текстов и их взаимосвязанного дальнейшего развития с опорой на классификацию выражения лирического субъекта в поэтическом тексте и теорию сверхтекста. Выдвигается гипотеза о причинах возникновения противоположных векторов развития русской поэзии о Грузии и об Армении. С опорой на теоретический базис Х. Блума о «страхе влияния» и «сильных текстах», а также рецептивный подход выдвигается гипотеза двух условий для формирования сверхтекстового образования.

Ключевые слова: грузинский текст, армянский текст, локальный текст, кавказский текст.

В отечественной науке исследование локальных текстов стало одним из популярных и перспективных направлений, открывающим новые векторы интерпретации художественных текстов. Выделенный В. Н. Топоровым «петербургский текст» [Топоров 2003]¹ породил волну исследований, посвященным как сугубо мифологическому пространству [Четвертных 2014], так и реальному локусу² [см., напр., Тюпа 2002], в том числе и Кавказу. Термин «кавказский текст» или «кавказский сверхтекст» получил широкое распространение в отечественном литературоведении [см., напр., Багратион-Мухранели 2014], однако следует признать, что применительно к объекту нашего исследования – поэзии о Грузии или об Армении – он становится слишком обобщающим.

Ранее Л. А. Ходанен выделяла в «кавказском тексте» особый «грузинский текст», говоря о том, что его «креативная основа <...> создается на основе раскрытия менталитета народа древней горной страны, принявшей христианство и сохраняющей верность обычаям героики» [Ходанен 2015, 53]. Нами были также выявлены маркеры разграничения собственно «кавказской» и «грузинской» эстетических модальностей в художественных текстах XIX века [Потапова 2020]. Думается, что во многом такая дифференциация обусловлена этноконфессиональной направленностью пространства Грузии³, и тогда перед исследователями встает задача описать еще один локальный текст, отличный от собственно кавказского по этому же признаку – текст армянский, которому посвящены недавние исследования отечественных литературоведов [Павлова, Романова 2020; Амирханян, Павлова, Романова 2020; Павлова, Романова 2022; Бубнова 2022].

Грузинский и армянский локальные тексты отвечают всем признакам сверхтекста, выделенным Н. Е. Меднис. В аспекте генезиса нам особо важно обозначить, что им присущи

¹ Важно уточнить, что в работах В. Н. Топорова само понятие «сверхтекст» не фигурирует, поэтому мы считаем понятия «локальный текст» и «сверхтекст» родовидовыми. Это актуально в том случае, когда есть смысл говорить о широком пространственном обобщении (например, Кавказ) и выделении в указанном пространстве отдельных территорий с собственным локальным мифом.

² Безусловно, теория сверхтекстов предполагает, что любой локус, не важно, реально он существует или нет, так или иначе мифологизируется. В. Н. Топоров именует это переходом «a realibus ad realiora» (от реального к реальному). – Е. П.) [Топоров 2003, 7].

³ О важности этого элемента в формировании литературной традиции см., напр., [Зырянов 2019].

следующие признаки: «наличие и знание читателем некоего динамичного, но вместе с этим относительно стабильного круга текстов, наиболее репрезентативных для данного сверткста в целом, определяющих законы формирования художественного языка сверткста и тенденции его развития» и «устойчивые и одновременно динамичные границы (ядро и периферия)» [Меднис 2003: URL]. Именно по этим основаниям будет проводиться компаративный анализ двух локальных текстов – в плане как генезиса, так и последующего развития в русской поэзии.

Генезис локальных текстов

В эссе «Кое-что о грузинском искусстве» Осип Манделъштам писал: «Я бы сказал, что в русской поэзии есть свой грузинский миф, впервые провозглашенный Пушкиным, <...> и разработанный Лермонтовым в целую мифологию с мифом о Тамаре в центре. Любопытно, что этим мифом, обетованной страной поэзии, для русской поэзии стала не Армения, а Грузия» [Манделъштам 1987, 177]. Высказывание Манделъштама в интересующем нас контексте особо примечательно тем, что во многом именно с его стихотворений «армянский текст» начинает свое формирование в поэзии XX века. Кроме того, уже это высказывание задает один из векторов сопоставления локальных текстов: если «грузинский текст» русской поэзии формируется еще Пушкиным и Лермонтовым, то «армянский текст» воплощается значительно позже, хотя сами тексты об Армении появляются и в XIX столетии: «Армянский текст – русско-литературный конструкт XX в.; одним из его пионеров был Осип Манделъштам. Корпус стихотворений, написанных до Манделъштама, в которых упоминается Армения и ее народ, как правило, не входит в оптику армянского текста» [Шафранская 2022, 135]. Почему же в одном случае локальный текст формируется сразу, а в другом – по прошествии целого столетия? Для этого обратимся к обзору стихотворений об Армении и Грузии в XIX веке.

«Грузинский текст» знаком читателю, прежде всего, по двум текстам Пушкина – «Не пой, красавица, при мне...» (1828) и «На холмах Грузии...» (1829). Следует сказать, что и до Пушкина и Лермонтова о Грузии в русской поэзии были тексты, среди которых, например, стихотворение «На прогулку в грузинском саду» Г. Р. Державина, пейзажная зарисовка «Там, где вьется Алазань» и отрывок неоконченной поэмы «Кальянчи» с описанием грузинского локуса у А. С. Грибоедова или примечательные описания Грузии у А. А. Шишкова или Шишкова-младшего⁴ (стихотворение «Я видел Кур...», поэма «Лонской», неоконченный роман «Кетевана, или Грузия в 1812 году»). Также следует упомянуть «Грузинскую песню» М. Ю. Лермонтова, юношеское подражание пушкинской и байронической традициям, в которой восточный локус (гарем) сосуществует с двумя этносами (в том числе армянским). Понятно, что тексты Державина, Грибоедова, стихотворение Шишкова или песня раннего Лермонтова еще не формируют доподлинно «грузинский текст» русской литературы, их объединяющим признаком становится либо фокусировка на пейзажной составляющей этого края, его плодородия и красоты, либо же образ грузинки (случай Лермонтова), который становится лишь одним из вариантов следования литературной традиции⁵.

Думается, что доподлинно формирование «грузинского текста» началось именно с Пушкина, поскольку он сместил фокус внимания с собственно локуса на переживание светлой печали, и при этом в этих стихотворениях были актуализированы геопозитические принципы, реализованные его предшественниками и воплощенные даже на ритмическом уровне стихотворений. Для Грузии как для пространства, отличного от Кавказа, была характерна горизонтальная протяженность, в то время как для Кавказа – вертикаль и резкость.

Обратимся, например, к Грибоедову. В «отрывке из поэмы» «Кальянчи» присутствует авторское пояснение сюжета: «Путешественник в Персии встречает прекрасного отрока,

⁴ А. А. Шишков является племянником А. С. Шишкова – одного из основателей «Беседы любителей русского слова».

⁵ Думается, что образ грузинки в гареме был заимствован Лермонтовым из поэмы А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан», однако эта тема требует отдельного исследования и осмысления.

который подает ему кальян. Странник спрашивает, кто он, откуда. Отрок рассказывает ему свои похождения, объясняет, что он грузин, некогда житель Кахетии» [Грибоедов 1999, 218]. Отрывок состоит из диалога путника и отрока, последний из которых рассказывает историю своей жизни, начиная с того момента, как от него отказались родители. Затем отрок повествует о бое своего каравана, в одном из поверженных врагов юноша узнает своего кровного отца.

Два последних четверостишия неоконченной поэмы показывают переход к пространственной «широте» – Грузии, противопоставленной автором теснинам и ущельям:

Вышли мы на широту
Из теснин, где шли доселе,
Всю творенья красоту
В пышной обрели Картвеле.
Вкруг излучистой Куры
Ясным днем страна согрета,
Все рассыпаны цветы
Щедростию лета...

[Там же]

Следует также обратиться к другому произведению Грибоедова – «Хищники на Чегеме» (1825), которое было написано под впечатлением от столкновения с горами на реке Малке. Как и в «Кальянчи», узкость становится одной из основных пространственных характеристик Кавказа, причем в стихотворении это пространство противопоставляется иному локусу – «краю сел и нив», под которым могла подразумеваться именно Грузия:

Двиньтесь узкою тропею!
Не в краю вы сел и нив.
Здесь стремнина, там обрыв,
Тут утес: – берите с бою!

[Там же, 232]

В указанных стихотворениях Пушкина о Грузии изначально были «кавказские строфы». В «Не пой, красавица, при мне...» была строфа, репрезентирующая вертикаль как главную ось пространства Кавказа. Ранее с опорой на анализ стихотворения А. Белым нами было доказано, что ритмически эта строфа явно «быстрее» других строф о Грузии, почему поэт от нее и отказался [Потапова 2020]:

Напоминают мне оне
Кавказа гордые вершины,
Лихих чеченцев на коне
И закубанские равнины.
[Пушкин 1950, 468]

У текста «На холмах Грузии...», как известно, была другая редакция – «Все тихо – на Кавказ идет ночная мгла». Несмотря на то, что в обоих вариантах стихотворения пространственные характеристики занимают лишь первые два стиха, именно они подвергаются значительным изменениям при создании поэтического текста. Первый стих, «Все тихо – на Кавказ ночная тень легла», преобразуется: «в первом [стихе. – Е. П.] “ночная тень легла” заменены сначала словами “сошла ночная мгла”, а затем исправлено – “идет ночная мгла”» [Бонди 1978, 17]. Для локуса Кавказа принципиально важна динамика движения – легла, сошла, идет, несовершенный вид глагола идти вместо совершенных форм только подчеркивает динамизм, который не прекращается, не является каким-либо однократно совершенным действием. Также для Кавказа важна вертикальная направленность движения. В первом варианте второго стиха, «Мерцают звезды надо мною», также происходят изменения: «вместо “мерцают” написано “восходят”» [Там же]. Если в первом стихе Пушкин отказывается от прямого выражения вертикального движения из-за совершенности форм – легла, сошла, то во втором стихе у поэта в черновике, что позволяет поэту в полной мере выразить «вертикальность», свойственную Кавказу.

В «На холмах Грузии...» можно увидеть контрастно противоположные тенденции в создании пространственного образа. «Ночная мгла» в этом стихотворении уже не «идет», а «лежит» – непрерывность действия сохраняется, но оно статично, а не динамично. Вместо «восходят звезды» в произведении «шумит Арагва» [Пушкин 1950, 112], Пушкин делает акцент не на движении, а на звуковой характеристике образа. Положение лирического героя в этом пространстве также меняется: вместо «надо мною» появляется «предо мною» [Там же], что указывает на горизонтальную протяженность, сменившую вертикальность. Таким образом, с точки зрения геопоэтики Пушкин и в этом стихотворении продолжает традицию разграничения локусов Грузии и Кавказа по признаку горизонтальности/вертикальности оси пространства, но при этом точка зрения лирического субъекта не фокусируется не всецело на локусе, а на душевных переживаниях.

Именно два знаменитых пушкинских текста оказали значительное влияние на русскую поэзию, и потом именно о них можно говорить как о ядре локального текста – его наличие, как было подчеркнуто ранее, является обязательным признаком при формировании сверткста, и при этом именно эти тексты породили большую волну «интертекстуального потомства» (термин А. К. Жолковского), что позволило указанному локальному тексту видоизменяться и деформироваться в поэзии XX столетия.

Среди текстов об Армении в поэзии XIX века появляются текст «повести в стихах» С. Н. Глинки, «Мысли об Армении» С. Митропольского⁶. Важно, что во всех текстах педалируется историческое начало, желание описать историю этого пространства с опорой на различные источники. Так С. Н. Глинка, предваряя поэтические тексты, в которых будет отсылать читателя к Плинию Старшему, Тациту и другим историкам, пишет: «История Армянская одушевлена всеми качествами, изложенными Цицероном; но к сожалению у нас существуют одни бледные отблески летописей Армянских <...> Занимаясь теперь обозрением истории Армянской я предлагаю из оной две повести в стихах» [Глинка 1831, 5]. Та же традиция обнаруживается в сочинении 1813 года Сергея Митропольского «Мысли об Армении»:

Армения, к тебе я мысли обратил,
И в древность преклонясь, на Норде возвестил
О дщери Азии отцем времен избранной
Для Ноя в горести к отраде толь желанной.
[Митропольский 1816, 1]

Несмотря на то, что в этом тексте уже появляется собственно лирическое «я», его усилия направлены только вовне – облечь свои собственные переживания об Армении исторической канвой.

Следует отметить, что армянский и грузинский локальные тексты формировались диаметрально противоположными путями. Э. Ф. Шафранская предполагает, что для зарождения армянского текста первичны именно произведения в прозе: «прежде чем в поэтическом сознании рождаются образы, нужна первооснова, поэт должен был откуда-то это услышать или где-то прочитать» [Шафранская 2022, 139]. Можно конкретизировать цитируемое высказывание и предположить, что вместо общего разграничения на условные прозу и поэзию следует говорить об интенции лирического субъекта и типе коммуникативной ситуации, для мы используем классификацию И. В. Романовой [Романова 2007, 38–56]. Пользуясь ее терминологией, мы можем причислить указанные стихотворения об Армении XIX века к безлично-безадресному типу, где объектом изображения становится мир вокруг лирического субъекта, а не он сам или адресат, и поэтому локальный текст не был сформирован на этом хронологическом этапе. Совершенно иная ситуация с «грузинским текстом», оформление которого в XIX веке в поэзии Пушкина, безусловно, возникло раньше появления определенного нарратива и воплотило эготивный либо адресный тип

⁶ При этом лексемы *Армения*, *армянин* и *армянский* появляются в русской поэзии уже в начале XIX века, но локальный текст они не образуют – это и отрывок неоконченной поэмы «Тазит» («Галуб») и баллада «Черная шаль» А. С. Пушкина, и баллада «Алина и Альсим» В. А. Жуковского.

коммуникативной ситуации⁷. Здесь любопытно вспомнить роман А. А. Шишкова «Кетевана, или Грузия в 1812 году» (1834), который репрезентирует Грузию во время кахетинского бунта, но при этом этот текст явно вторичен по отношению к романтическим паттернам литературы XIX века в том числе в аспекте воплощения пространства Грузии.

Мы приходим к выводу о том, что просто наличие некоего количества текстов об одном локусе еще не создает локального текста как такового – для него, как писала Н. Е. Меднис, нужна ценностная внетекстовая ориентация [Меднис 2003: URL], другими словами – некий локальный миф, не претендующий на правдоподобие и историческую достоверность, формируемый рефлексией лирического субъекта или автора-повествователя о локусе, при которой акцент с пейзажа смещается на внутреннее переживание или же индивидуально осмысленный мифологический контекст, и именно отсутствие этого признака мешает формированию сверхтекста. Второе условие формирования локального текста нам открывают рецептивные исследования – появление хотя бы одного «сильного текста» («strong poem» в работах Х. Блума [Bloom 1975, 234], способного и далее продуцировать появление локуса в национальной поэзии.

Именно в такой гипотезе можно найти ответ на вопрос о разном времени формирования армянского и грузинского локальных текстов – для «грузинского текста» «сильный» поэтический текст появляется уже в XIX веке, вбирает в себя предшествующие литературные осмысления локуса и мифологизирует его, осмысляет и рефлексиирует о нем. Для армянского текста поэтическая рефлексия начинается именно с О. Э. Мандельштама, В. Я. Брюсова и С. М. Городецкого, стихотворения которых нацелены не только на осмысление собственно локуса и описательность, но и, даже в большей степени, на лирическое «я» относительно него. В поэзии этих авторов Армения становится фоном для воплощения зготовивных и апеллятивных коммуникативных ситуаций: «Ах, Эривань, Эривань, ничего мне больше не надо, / Я не хочу твоего замороженного винограда» [Мандельштам 2009, 146], «Армения, звенящая огнем и кровью, / Армения, тебя готов я полюбить» [Городецкий 1974, 317]. Это репрезентирует и финал стихотворения В. Я. Брюсова «К Армении»:

Армения! Твой древний голос –
Как свежий ветер в летний зной:
Как бодро он взвывает волос,
И, как дождем омытый колос,
Я выпрямляюсь под грозой!
[Брюсов 1973, 237]

Развитие локальных текстов

Развитие локальных текстов о Грузии и Армении во многом зависит от характера генезиса, и в данном аспекте на помощь исследователю приходит методологическое поле рецептивных исследований. Если обратиться к корпусу поэтических текстов, в которых так или иначе упоминается Грузия, то выяснится, что в большинстве текстов либо присутствует осязаемое влияние пушкинского и/или лермонтовского текстов, либо в целом это пространство осмысляется с опорой на литературную традицию. Дело в том, что большинство стихотворений, написанных о Грузии, с одной стороны, волей-неволей отсылают либо к мифу о Тамаре, либо к пушкинской «ночной мгле», а это, в свою очередь, значительно ограничивает возможности поэтического самовыражения и увеличивает трудность преодоления «страха влияния» (блумовское «anxiety of influence»). Особенно важно при этом, что часто это сводится к ироническому модусу художественности. Например, стихотворение Игоря Юркова вовсе не подразумевает грузинского локуса, но намеренное снижение фигуры Пушкина толкает автора на вкрапление его известных строк:

⁷ Следует уточнить, что в произведениях Лермонтова о Грузии присутствует и безлично-безадресный тип, однако это является частью локального текста, поскольку в них историко-мифологическая канва (легенда о царице Дарье) не просто излагается, а индивидуально художественно переосмысливается и интерпретируется.

И русский Байрон, весёлый чудак, –
Он хочет казаться прохвостом, –
Великий Пушкин носит фрак
Очевидно с чужого роста.
«На холмах Грузии ночная мгла» –
Он говорит, – «легла и прочее...»
Но знаете, денежные дела
Мои запутаны очень».
[Юрков 2010, 636]

В текстах Бориса Корнилова рефлексия по поводу образа Тамары сопровождается размышлениями о его движении в текстах предшественников наиболее ярко. Само появление этого образа именуется поэтом «заразой», что обличает сугубо ироническое отношение к нему:

Начну по порядку –
 за Пушкиным сразу,
время и впадая в лирический бред,
поэт про Тамару,
 разносит заразу
второй по ранжиру российский поэт.

Рыданий хватает по горло –
 однако
другая за Лермонтовым с рывка
огнем налетает строка Пастернака,
тяжелая, ломаная строка.

Царица Тамара –
 мечтаний причал,
и вот, грохоча и грубя,
Владимир Владимирович зарычал,
за груди беря тебя.
[Корнилов 1966, 110]

Такое размышление лирического героя, несмотря на явную иронию и даже неприязнь, не лишено и стиховедческой рефлексии – «тяжелая, ломаная строка» Пастернака в этом случае становится аналогом размышлений Кушнера о смещении ударения в пушкинской строке, о чем будет сказано далее. Тексты Маяковского и Корнилова иллюстрируют один из примечательных «маршрутов влияния» лермонтовского текста – он провоцирует не только появление собственно включения цитат в стихотворения поэтов-последователей, он заставляет поэтов рассуждать о генезисе и развитии образа Тамары до стихотворения, которое они напишут сами, причем размышления будут затрагивать одни и те же тексты, уже до них входящие в «интертекстуальное потомство» лермонтовских оригиналов. Такая ситуация воплощается в текстах обоих поэтов, ведь не только Корнилов, но и Маяковский упоминает Пастернака:

И пусть,
 озверев от помарок,
про это
 пишет себе Пастернак...
[Маяковский 1987, 241]

В более поздних поэтических произведениях ирония над текстом-ориентиром о Грузии все же снижается и переходит скорее в просто открытую ориентацию как на литературный образец. Показательны в этом отношении два текста Александра Кушнера. В стихотворении «Павловск»:

На холмах Павловска лежит вечерний свет,
Блестит Славянка перед нами.
Искусству, видите ли, тоже сотни лет,
Не только берегу, поросшему кустами.

И тень мне видится, бродившая впотьмах
По этим зарослям и склонам,
В забытых призрачных сказавшая стихах
Про «пышный дом царей на скате позлащенном».

Мне нужен стол, и стул, и полка книг в углу.
Еще, наверное, прожить без телефона
Мне трудно было бы... А этот блеск и мглу
Держу в уме я вроде фона.
[Кушнер 1986, 7]

Искушенный читатель с первого взгляда заметит в этом тексте ритмико-синтаксическое соответствие пушкинскому «На холмах Грузии...», за исключением того, что у Кушнера не чередование шести- и четырехстопных ямбических строк, а лишь вкрапление четырехстопной строки в строфу. Разумеется, первоисточником этого текста является не только пушкинский текст, но и «Павловск» В. А. Жуковского, цитируемый поэтом во второй из приведенных строф, однако именно составляющие «На холмах Грузии...» обыгрываются как составляющие «фона» для создания поэтического текста в современной автору обстановке. Другой текст Кушнера содержит рефлексию на смещенное ударение в первом стихе пушкинского текста:

В лазурные глядятся озера
Швейцарские вершины, – ударенье
Смещённое нам дорого, игра
Споткнувшегося слуха, упоенье

Внушает нам и то, что мгла лежит
На холмах дикой Грузии, холмится
Строка так чудно, Грузия простит,
С ума спрыгнуть, так словно шевелится.
[Кушнер 1986, 177]

Рефлексия на тему смещенного ударения в стихотворении Кушнера не наполнена какой-либо злой иронией, направленной на принижение оригинала. Напротив, «игра споткнувшегося слуха», по Кушнеру, становится отличительной чертой стихотворения и, что примечательно, сразу «внушает» читателю мысль о «грузинском» произведении Пушкина на ассоциативном уровне, хотя изначально поэт отталкивается от стихотворения Тютчева «На возвратном пути» («Что есть края, где радужные горы / В лазурные глядятся озера...» [Тютчев 2003, 93]). Подобная рефлексия на тему поэтического ударения присутствует и в тексте Давида Самойлова, в котором, на первый взгляд, отсутствует след пушкинского или лермонтовского влияния, а также воплощаются культурные паттерны, воплощенные и в XIX веке:

В Алазанской долине пои меня местным вином,
Я потом буду долго жевать золотую чурчхелу.
Увези меня в Грузию, друг, приведи меня в дом.
Только здесь я сумею отдаться последнему делу.
[Самойлов 2010, 601]

Однако и в этом тексте нельзя не увидеть явного влияния смещенного ударения и собирательного образа грузинской княжны Лермонтова:

Пусть я буду дыханием холмов ее освежен.
Пусть я буду объят, опоен ее долей и волей,
Византийскою нежностью тонких грузинских княжон
И медлительным вежеством добрых крестьянских застолий.
[Там же]

С другой стороны, «сильные тексты» о Грузии в поэзии XX века могли использоваться и как обращение сугубо к локусу и вписыванию его в политический контекст. Таковы, например, тексты Александра Еременко («На холмах Грузии лежит такая тьма...»), Евгения Рейна («Братьям Чиладзе»), Александра Галича («Песня о Тбилиси») и др.

В итоге поэты, пишущие о Грузии, в большинстве своем просто не могут обойти этот паттерн «грузинского текста» стороной – фигуры Пушкина и Лермонтова имеют слишком сильное влияние. Думается, именно отсутствие в XIX веке текстов об Армении на манер «Не пой, красавица, при мне...» Пушкина дало возможность развиваться «армянскому тексту» более многогранно, чем грузинскому, и поэтому в нем, например, упоминается гораздо больше имен собственных, чему посвящено отдельное исследование Н. В. Бубновой [Бубнова 2022]. Другими словами, в корпусе нет единого знакового текста, который бы задавал единый вектор развития мифологического локального пространства в русской поэзии, поэтому сами поэты не ограничены в своем творчестве и зачастую не нуждаются в обязательной отсылке к поэтическим фигурам других авторов, что позволяет им не испытывать «страх влияния».

Примечательно, что если О. Э. Мандельштам в эссе начала XX рефлексировал по поводу того, что вместо Армении поэтическим пространством для отечественных стихотворцев стала Грузия, то в поэзии середины прошлого века происходит противоположное: словно в ответ О. Э. Мандельштаму, Вера Звягинцева и Борис Чичибабин сравнивают Грузию и Армению в противоположном ключе. В стихотворении «На смерть Исаакяна» Звягинцева рисует экспозицию грузинского пейзажа:

Красавица, волшебница, принцесса –
Нарядная грузинская земля!
Сквозь гор твоих зеленые навесы
Гляжу я вдаль, на тихие поля...
[Звягинцева 1964, 41]

Однако по прочтении становится понятно, что это пространство становится только фоном для рассмотрения «Печальной Армении», а река Кура становится лишь возможностью представить реку, текущую в Армении – Зангу:

На Золушку мою, на дорогую
Печальную Армению мою.
И над Курой, как будто над Зангу я,
Закрыв глаза, растерянно стою.

На что мне эти радостные звуки
И замки на отвесах этих скал?
Беспомощно протягиваю руки
Туда, туда, за дальний перевал,

За синеву холодного Севана,
Где обожжешься, из него глотнув,
Туда, где проступает из тумана
Такой знакомый розоватый туф.
[Там же, 41–42]

Любопытно при этом, что Армения именуется в этом тексте «печальной», словно приходя на смену «Грузии печальной» Пушкина. Параллельность этих двух текстов можно отметить, если вспомнить, что первоначально в тексте Пушкина было написано не «Не пой, красавица, при мне...», а «Не пой, волшебница, при мне...»⁸, что мы и видим в тексте Звягинцевой.

В тексте Бориса Чичибабина «Ну что тебе Грузия? Хмель да кураж...» репрезентируются известные маркеры «грузинского текста», обозначенные еще Лермонтовым в балладе «Спор» и очерке «Кавказец» – вино и лень. В противовес этим характеристикам герой Чичибабина выбирает Армению – «божью любовь»:

Ну что тебе Грузия? Хмель да кураж,
приманка для бардов опальных
да весь в кожуре апельсиновый пляж
с луной в обезьяновых пальмах.

⁸ Подробнее об изменениях в автографе стихотворения см. [Цявловский 1962].

Я мог бы, пожалуй, довериться здесь
плетучим абхазским повозкам,
но жирность природы, но жителей спесь...
А ну их к монахам афонским!..

А сбоку Армения — божья любовь,
в горах сораспята с Богом,
где боль Его плещет в травинке любой,
где малое помнит о многом.
[Чичибабин 2013, 220]

Важно, что само восприятие локусов Армении и Грузии было не просто изменчиво, а взаимоизменчиво и синхронно. Так, например, если вспомнить начало XIX века, то Грузия там будет во многом ассоциироваться с женским началом и христианским самосознанием. Так, в «Браке Грузии с русским царством» В. Ф. Одоевского это эксплицировано уже в названии, а в романе А. А. Шишкова «Кетевана, или Грузия в 1812 году» – во вступлении: «отделенная от единоверных ей Христиан гранитной стеною Кавказа», она «не могла простерть к ним молящих рук, когда дикие племена ее терзали» [Шишков 1835, 2]. Начиная с Лермонтова, в красках описавшего в балладе «Спор» «сонного грузина» [Лермонтов 1954, 193] в тени чинары, а в очерке «Кавказец» – «кавказца грузинского», который «любит кахетинское и широкие шаровары» [Лермонтов 1957, 351], роль Грузии как христианской обители стала постепенно утрачиваться, и на ее место встала Армения, как показывают тексты Звягинцевой и Чичибабина. Подтверждение этому тезису можно найти и в других текстах об Армении – в стихотворении И. Л. Лиснянской «Арарат» присутствует показательный подзаголовок «Из апокрифа» [Лиснянская 2006, 141], этим же автором написан «Триптих молитвы», посвященной Армении:

Вот озирает Он снега,
Ища Ковчег у Арарата,
И возлюбить велит врага,
И помолиться, как за брата.
[Лиснянская 1995, 151]

Выводы

Генезис армянского и грузинского локальных текстов диаметрально противоположен как в хронологическом, так и художественном аспекте. Армянский текст конструируется в XX веке, в то время как грузинский – в XIX. При этом для поэтов, пишущих о Грузии, первичным становится собственно переживание лирического субъекта на фоне восплаемого пространства, в то время как для «армянского текста» первично обращение к нарративу об истории этой страны.

В результате компаративного анализа двух соположенных локальных текстов мы приходим к выводу о том, что ядром такого текста может стать только «сильный текст», способный породить после себя другие тексты об этом пространстве, и наличие такого текста – обязательное условие для появления сверткестового образования. С другой стороны, для формирования локального текста важна установка лирического субъекта – собственно фокусировка только на локусе еще локального текста не формирует, в то время как переживание и эмоции лирического «я» относительно локуса – напротив. Поэтому справедливым становится утверждение о том, что «армянский текст» появляется в русской поэзии с начала XX века под пером Мандельштама, Городецкого и Брюсова, а «грузинский текст» – в начале XIX столетия в стихах Пушкина и Лермонтова, вобравших традиции Державина и Грибоедова.

В результате исследования нами выдвигается гипотеза о причинах противоположных векторов развития локальных текстов – тексты о Грузии во многом ограничиваются силой пушкинских и лермонтовских влияний, и потом образуют скорее циклы рецептивные, а стихотворения об Армении этого лишены, и потому «армянский текст» содержит куда больше этнографических реалий и вариантов.

Доказано, что исследуемые локальные тексты взаимозависимо развиваются. «Армянский текст» не просто перенимает некоторые элементы грузинского, а воплощается в стихотворениях отечественных поэтов XX столетия как альтернатива одного пространства другому.

Список литературы

1. Амирханян М. Д., Павлова Л. В., Романова И. В. Реконструкция «армянского» текста в русской поэзии XX века: (опыт компьютерного исследования) // Известия Смоленского государственного университета. 2020. № 2 (50). С. 5–21.
2. Багратион-Мухранели И. Л. «Другая жизнь и берег дальний». Репрезентация Грузии и Кавказа в русской классической литературе. Тверь : Изд-во Марины Батасовой, 2014. 460 с.
3. Бонди С. М. Черновики Пушкина. Статьи 1930–1970. М. : Просвещение, 1978. 232 с.
4. Брюсов В. Я. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 2. М. : Художественная литература, 1973. 494 с.
5. Бубнова Н. В. Проект словаря имён собственных электронного ресурса «Армянский текст русской поэзии». Громовские чтения. Вып. IV. Проблемы современной региональной лексикографии: сборник материалов международной научной конференции. Кострома, 15–16 сентября 2022 г. (в печати).
6. Глинка С. Н. Две повести в стихах, подчерпнутые из древних армянских летописей. Сочинение Сергея Глинки. М. : типография Лазаревых ин-та Восточных языков, 1831. 41 с.
7. Городецкий С. М. Стихотворения и поэмы. Л. : Советский писатель, 1974. 638 с.
8. Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений : в 3 т. Т. 2. СПб. : Нотабене, 1999. 618 с.
9. Звягинцева В. К. Моя Армения. Стихи, избранные переводы. Ереван : Армянское гос. изд-во, 1964. 166 с.
10. Зырянов О. В. Проблемно-методологическое поле современной этнопоэтики // Филологический класс. 2019. № 1 (55). С. 8–15.
11. Корнилов Б. П. Стихотворения и поэмы. Л. : Советский писатель, 1966. 544 с.
12. Кушнер А. С. Дневные сны: Книга стихов. Л. : Лениздат, 1986. 87 с.
13. Кушнер А. С. Стихотворения / А. С. Кушнер. Л. : Художественная литература, 1986. 304 с.
14. Лиснянская И. Л. Шкатулка: в которой стихи и проза. М.: Русский мир, 2006. 480 с.
15. Мандельштам О. Э. Полное собрание сочинений и писем. В трех томах. Том первый. М. : Прогресс Плеяда, 2009. 808 с.
16. Мандельштам О. Э. Слово и культура: статьи. М. : Советский писатель, 1987. 320 с.
17. Маяковский В. В. Сочинения в двух томах. Т. 1. М. : Правда, 1987. 768 с.
18. Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе. URL: <http://rassvet.websib.ru/chapter.htm?no=35> (дата обращения – 04.05.2023).
19. Митропольский С. Мысли об Армении. Сочинение Сергея Митропольского. СПб., 1813. 16 с.
20. Павлова Л. В., Романова И. В. «Армянский» текст русской поэзии: (интерпретация данных программного комплекса «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах») // Новый филологический вестник. 2020. № 4 (55). С. 212–225.
21. Павлова Л. В., Романова И. В. «Цветная» составляющая частотного словаря «армянского текста» // Litera. 2022. № 12. С. 20–32.
22. Полонский Я. П. Полное собрание стихотворений: в 5 т. СПб.: Издание А. Ф. Маркса, 1896. Т. 2. 460 с.
23. Потапова Е. В. Грузия и Кавказ в поэтическом сознании Пушкина («На холмах Грузии...») и «Не пой, красавица, при мне...») // Актуальные проблемы филологии. Вып. 18. Материалы междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых. Екатеринбург, 25 апреля 2019 г. Екатеринбург : [Б. и.], 2019. С. 90–98.
24. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. М. ; Л. : АН СССР, 1950. Т. 3. Стихотворения 1827–1836. 552 с.
25. Романова И. В. Поэтика Иосифа Бродского: лирика с коммуникативной точки зрения: монография. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2007. 328 с.
26. Самойлов Д. С. Счастье ремесла: Избранные стихотворения. М. : Время, 2010. 784 с.
27. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. Избранные труды. СПб. : Искусство–СПб, 2003. 616 с.
28. Тюпа В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.
29. Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и писем : в 6 т. Т. 2. Стихотворения 1850–1873. / Ф. И. Тютчев. – М. : Издательский центр «Классика», 2003. – 640 с.
30. Ходанен Л. А. Культурный концепт «Кавказ» и его текстообразующая роль в творчестве А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4. С. 45–56.
31. Четвертных Е. А. Элизийский текст в русской поэзии XIX–XX вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Четвертных. – Екатеринбург : [Б. и.], 2010. 24 с.

32. Цявловский М. А. Автограф стихотворения «Не пой, волшебница, при мне...» // Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М. : Изд-во АН СССР, 1962. С. 378–389.
33. Чичибабин Б. А. В стихах и прозе. М. : Наука, 2013. 567 с.
34. Шафранская Э. Ф. Армянский текст: дети Иова // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. № 3. С. 511–520.
35. Шафранская Э. Ф. Армянский текст: стихи и проза // Филологические науки. Медиа. Текст. Редактирование. 2022. №6. С. 135–143.
36. Шишков А. А. Сочинения и переводы капитана А. А. Шишкова : в 4-х томах. Т. 3. СПб. : Тип. Императорской Российской академии, 1835. 144 с.
37. Bloom H. Poetry, Revisionism, Repression // Critical Inquiry. Vol. 2, № 2. pp. 233–251.
38. Bloom H. The Anxiety of Influence / H. Bloom // Diacritics. 1972. Vol. 2, No. 1. pp. 36–41.

Сведения об авторе

Потапова Евгения Владимировна
 Смоленский государственный университет
 НОЦ «Смоленский центр квантитативной филологии»
 Стажер-исследователь, магистр филологии
 ул. Пржевальского, 4, Смоленск, Смоленская обл., 214000
jenni_p@mail.ru
 +79221505017

«Armenian» VS «Georgian» local texts: on the problem of genesis and ways of evolution

Annotation. The article provides a comparative analysis of two local texts – Armenian and Georgian. In the aspect of genesis, the reasons for the different chronological origin of local texts and their interrelated further development are revealed, based on the classification of the expression of the lyrical subject in the poetic text and the theory of the supertext. The hypothesis about the reasons for the emergence of opposite vectors of the development of Russian poetry about Georgia and Armenia is put forward. Based on the theoretical basis of X. Bloom's "fear of influence" and "strong texts", as well as a receptive approach, hypothesizes two conditions for the formation of a supertext education.

Keywords: Georgian text, Armenian text, local text, Caucasian text.

References

1. Amirkhanian M.D., Pavlova L.V., Romanova I.V. Reconstruction of the «Armenian» Text in the Russian Poetry of the XX Century (Computer Research Experience) [Rekonstruktsiia «armianskogo» teksta v russkoi poezii XX veka (opyt komp'iuternogo issledovaniia)]. Izvestiya SmolGU. 2020. № 2 (50). pp. 5–21. (in Russian).
2. Bagration-Mukhraneli I. L. «Another life and a distant shore». Representation of Georgia and the Caucasus in Russian classical literature [«Drugaya zhizn' i bereg dal'nyj». Rezentatsiya Gruzii i Kavkaza v russkoi klassicheskoi literature]. Tver': Marina Batasova publ. house, 2014. 460 p. (in Russian).
3. Bondi S. M. Pushkin's drafts. Articles 1930–1970. [CHernoviki Pushkina. Stat'i 1930–1970]. Moscow : «Enlightenment», 1978. 232 p.
4. Bryusov V. Ya. Composition of writings: in 7 volumes. Moscow : Imaginative literature, 1973, 7/2, 494 p.
5. Bubnova N. V. The project of the dictionary of proper names of the electronic resource «Armenian text of Russian poetry» [Proekt slovarya imyon sobstvennykh elektronnoho resursa «Armianskiy tekst russkoi poezii»]. Gromov Readings. Vol. IV. Problems of modern regional lexicography: collection of materials of the international scientific conference. Kostroma, September 15–16, 2022 (in print).
6. Glinka S. N. Two stories in verse, drawn from ancient Armenian chronicles. Composition by Sergei Glinka [Dve povesti v stihah, podcherpnutyie iz drevnih armianskiykh letopisey. Sochinenie Sergeya Glinki]. Moscow: Lazarev's printing house of the Institute of Oriental Languages, 1831. 41 p.
7. Gorodetsky S. M. Poems [Stihotvoreniya i poemy]. Leningrad : Soviet writer, 1974. 638 p.

8. Griboyedov A. S. Full composition of writings : in 3 volumes [Polnoe sobranie sochinenij : v 3 tomakh]. St Petersburg : Notabene, 3/2, 618 p. (in Russian).
9. Zvyagintseva V. K. My Armenia. Poems, selected translations [Moya Armeniya. Stihy, izbrannye perevody]. Yerevan: Armenian state publ. house, 1964. 166 p. (in Russian).
10. Kornilov B. P. Poems. [Stikhotvoreniia i poemy]. Leningrad: Soviet writer, 1966. 544 p.
11. Zyryanov O. V. Problem-methodological field of modern ethnopoetics [Problemno-metodologicheskoe pole sovremennoj etnopoetiki]. Filologicheskij klass. 2019. № 1 (55). pp. 8–15.
12. Kushner A. S. Daytime Dreams. Book of Poems [Dnevnye sny: Kniga stihov]. Leningrad : Lenizdat, 1986. 87 p. (in Russian)
13. Kushner A.S. Poems. [Stikhotvoreniia]. Leningrad : Artistic Literature, 1986. 304 p. (in Russian)
14. Lisnyanskaya I. L. A box: in which poems and prose [SHkatulka: v kotoroj stihy i proza]. Moscow: Russian world, 2006. 480 p. (in Russian)
15. Mandel'shtam O.E. Full composition of writings and letters. In 3 volumes. Moscow : Progress Pleiad, 2009, 3/1, 808 p.
16. Mandel'shtam O.E. Word and culture: articles [Slovo i kul'tura: stat'i]. Moscow: Soviet writer, 1987. 320 p. (in Russian)
17. Mayakovsky V. V. Writings in two volumes [Sochineniya v dvuh tomah.] Moscow : Truth, 1987. 2/1. 768 p.
18. Mednis N. E. Supertexts in Russian literature [Sverhteksty v russkoj literature]. URL: <http://rassvet.websib.ru/chapter.htm?no=35> (accessed – 04.05.2023). (in Russian)
19. Mitropol'skij S. Thoughts on Armenia. Composition by Sergei Mitropolsky [Mysli ob Armenii. Sochinenie Sergeya Mitropol'skogo]. St Petersburg, 1813. 16 p. (in Russian)
20. Pavlova L.V., Romanova I.V. «Armenian» Text of Russian Poetry (Interpretation of Software Data «Hypertext Search for Companion-words in Author's Texts») [«Armianski» tekst russkoj poezii (interpretatsiia dannykh programmnoho kompleksa «Gipertekstovyi poisk slov-sputnikov v avtorskikh tekstakh»)]. Novyi filologicheskii vestnik. 2020. № 4(66). pp. 212–225. (in Russian)
21. Pavlova L.V., Romanova I.V. «Color» component of the frequency dictionary of the «Armenian text» [«Cvetnaya» sostavlyayushchaya chastotnogo slovarya «armyanskogo teksta»]. Litera. 2022. № 12. pp. 20–32. (in Russian)
22. Polonskii Ia.P. Full composition of writings [Polnoe sobranie stikhotvoreniij]. St Petersburg : Publ. of A. F. Marks, 1896. 5/2. 460 p.
23. Potapova E.V. Georgia and the Caucasus in Pushkin's poetic consciousness («On the hills of Georgia...») and «Don't sing, beauty, with me...») [Gruzii i Kavkaz v poeticheskom soznanii Pushkina («Na kholmakh Gruzii...») i «Ne poi, krasavitsa, pri mne...»)]. Aktual'nye problemy filologii [Topical problems of philology]. Vol 18. Ekaterinburg, 2019. pp. 90–98. (in Russian)
24. Pushkin A.S. Full composition of writings. Poems of 1827–1836. [Polnoe sobranie sochinenii. Stikhotvoreniia 1827–1836]. Moscow; Leningrad : Science, 1950. 10/3. 552 p. (in Russian)
25. Romanova I. V. Poetics of Joseph Brodsky: lyrics from a communicative point of view: monograph [Poetika Iosifa Brodskogo: lirika s kommunikativnoj tochki zreniya: monografiya]. Smolensk : Publishing house of Smolensk State University, 2007. 328 p.
26. Samoilov D. S. Craft happiness: Selected poems [Schast'e remesla: Izbrannye stihotvoreniya]. Moscow : Time, 2010. 784 p.
27. Toporov V. N. Petersburg text of Russian literature. Selected works. [Peterburgskij tekst russkoj literatury. Izbrannye trudy.] St Petersburg: Art-SPb, 2003. 616 p. (in Russian)
28. Tyupa V. I. Mythology of Siberia: on the issue of the «Siberian text» of Russian literature [Mifologema Sibiri: k voprosu o «sibirskom tekste» russkoj literatury]. Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2002. № 1. pp. 27–35. (in Russian)
29. Tyutchev F. I. Full composition of works and letters: in 6 volumes. Poems 1850–1873 [Polnoe sobranie sochinenij i pisem : v 6 t. Stihotvoreniya 1850–1873]. Moscow : Publishing Center «Classics», 2003, 6/2, 640 p. (in Russian)
30. Khodanen L. A. The cultural concept «Caucasus» and its text-forming role in the work of A. S. Pushkin and M. Yu. Lermontov [Kul'turnyj koncept «Kavkaz» i ego tekstoobrazuyushchaya rol' v tvorchestve A. S. Pushkina i M. YU. Lermontova]. Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2015. № 4. pp. 45–56. (in Russian)
31. Chetvertnykh E. A. The Elysian text in Russian poetry of the XIX–XX centuries : abstract of the dissertation of the Candidate of philological Sciences. Ekaterinburg, 2010. 24 p. (in Russian)
32. Tsyavlovsky M. A. Autograph of the poem «Do not sing, sorceress, with me ...» [Avtograf stihotvoreniya «Ne poj, volshebница, pri mne...»]. Articles about Pushkin [Stat'i o Pushkine]. Moscow : Science, 1962, pp. 378–389. (in Russian)
33. Chichibabin B. A. In poetry and prose [V stihah i proze]. Moscow: Science, 2013. 567 p. . (in Russian)
34. Shafranskaya E. F. Armenian text: Job's children [Armyanskij tekst: deti Iova]. Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki. 2022. № 3. pp. 511–520. (in Russian)
35. Shafranskaya E. F. Armenian Text: Poetry and Prose [Armyanskij tekst: stihy i proza]. Filologicheskie nauki. Media. Tekst. Redaktirovanie. 2022. №6. pp. 135–143. (in Russian)

36. Shishkov A. A. The writings and translations of Captain A. A. Shishkov: in 4 volumes [Sochineniya i perevody kapitana A. A. SHishkova : v 4-h tomah]. St Peterburg : Printing house of the Imperial Russian Academy, 1835, 4/3, 144 p. (in Russian)
37. Bloom H. Poetry, Revisionism, Repression // *Critical Inquiry*. Vol. 2, № 2. pp. 233–251.
38. Bloom H. The Anxiety of Influence // *Diacritics*. 1972. Vol. 2, No. 1. pp. 36–41.